

На правах рукописи

Серебренникова Анна Николаевна

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО С СЕМАНТИКОЙ «СВОЙСТВЕННОСТИ» - «ЧУЖДОСТИ»
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

10.02.01 – Русский язык

Автореферат

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2005

Работа выполнена
в Томском государственном университете

Научный руководитель

кандидат филологических наук,
доцент Банкова Татьяна Борисовна

Официальные оппоненты

доктор филологических наук,
профессор Ростова Алевтина Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент Порядина Рита Николаевна

Ведущая организация

Алтайский государственный университет

Защита состоится 17 февраля 2005 года в 12 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «13» января 2005 года.

Учёный секретарь
Диссертационного совета

Захарова Л.А.

Настоящее диссертационное сочинение посвящено исследованию диалектных слов с семантикой «свойственности» – «чуждости» с позиций лингвокультурологии.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Произошедшее в XX веке переключение внимания лингвистики с объекта познания на его субъект способствовало расширению сферы её исследовательских интересов. В осмыслении языковых фактов стали учитываться мировоззренческие, культурные, социальные установки человека – создателя, хранителя и пользователя языка. Среди вопросов, связанных с описанием семантики, особую актуальность приобретает поиск культурно значимых языковых единиц. Наиболее успешный их отбор и интерпретация осуществляется с позиций лингвокультурологии (Н.Д. Арутюнова, А. Вежицкая, В.В. Воробьёв, В.И. Карасик, В.Т. Клоков, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, В.Н. Телия, А.Т. Хроленко, Е.С. Яковлева и др.). К значимым, с точки зрения несомых ими культурологических смыслов, без сомнения относятся слова, в семантике которых находит выражение семиотическая оппозиция «свой» - «чужой». Универсальный характер данного противопоставления стал причиной внимания к нему со стороны представителей самых разных областей гуманитарного знания (А.К. Байбурин, Б. Вальденфельс, Х.-Г. Гадамер, Э. Гуссерль, Х. Ортега-и-Гассет, Б.Ф. Поршнев, Ф. Тённис, Р. Штихве и др.). Собственно лингвистическим аспектам изучения семантики «свойственности» - «чуждости» посвящены работы В.В. Иванова, Е.П. Захаровой, А.Б. Пеньковского, Р.Н. Порядиной, Б. Синочкиной, Ю.С. Степанова, Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, И.В. Тубаловой, Т.В. Цивьян и др. В круг проблем, интересующих исследователей, входит определение природы «свойственности» - «чуждости», выявление и описание её формально-семантических оснований. В результате проведённых изысканий было высказано

предположение о семантическом статусе категории «свойственности» - «чуждости» в русском языке (А.Б. Пеньковский). К настоящему времени учёными описан целый ряд возможных способов её экспликации. Отмечено, что единицы лексического уровня занимают приоритетное положение в системе форм выражения данной категории.

Несмотря на всё возрастающий интерес, проблема воплощения культурной оппозиции «свой» - «чужой» в языке остаётся малоосвоенной. Не решено большинство самых принципиальных вопросов, связанных с определением своеобразия семантики «свойственности» - «чуждости» и особенностями её функционирования как языковой категории. В частности, требует уточнения гносеологический и онтологический статус данной категории, её место в системе других языковых категорий и характер взаимодействия с ними. Кроме того, необходимы дальнейший поиск средств формального выражения семантики «свойственности» - «чуждости»; определение места соответствующей семы в структуре лексического значения и характера её связи с другими компонентами семантического содержания слова.

Решение столь широко заданного спектра проблем в перспективе может стать задачей не одного исследования. Настоящая работа является ещё одним шагом на пути выявления языковых средств репрезентации семантики «свойственности» - «чуждости». Сосредоточив своё внимание на лексических способах экспликации названного значения, мы рассматриваем их сквозь призму лингвокультурологического подхода. Конечной целью любого лингвокультурологического описания является выход на понимание мировоззренческих и культурных установок человека – носителя языка. Анализ семантики диалектных слов, в значении которых нашла отражение культурная оппозиция «свой» - «чужой», способствует постижению специфики ценностных ориентиров русского крестьянства.

Всё сказанное определяет **актуальность** проблематики исследования.

Объектом настоящего исследования выступают диалектные слова, репрезентирующие семантику «свойственности» - «чуждости». Корпус подвергаемых анализу лексических единиц ограничен заданными рамками исследования. В соответствии с задачами работы, в объект рассмотрения включаются номинативные лексические единицы (в том числе однозначные слова и лексико-семантические варианты слов), интерпретирующие оппозицию «свой» – «чужой» в социальном аспекте (*родня, коренной, приезжий, деревенский, городской, принять, родниться, разводиться* и т.д.).

Предметом исследования является культурный компонент значения диалектных слов, содержащих семантику «свойственности» - «чуждости».

Цель диссертационной работы: выявить культурный компонент значения диалектных слов с семантикой «свойственности» - «чуждости».

Её реализация предполагает последовательное решение следующих **задач**:

- 1) на основе анализа различных теоретических концепций определить принципы описания диалектного слова с семантикой «свойственности» – «чуждости» в свете лингвокультурологического подхода;
- 2) разработать методiku сбора и способов лингвокультурологической интерпретации лексических единиц, содержащих культурный компонент «свойственности» - «чуждости»;
- 3) рассмотреть семантические особенности диалектных слов, в значении которых присутствует культурный компонент «свойственности» - «чуждости»;
- 4) определить внутрисловные и контекстные средства выражения семантики «свойственности» - «чуждости»;
- 5) классифицировать полученный корпус культурнозначимых диалектных

слов с семантикой «свойственности» - «чуждости» по различным основаниям.

Материалы и источники. Анализ диалектных слов с семантикой «свойственности» - «чуждости» проведён на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Материал насчитывает более 3000 контекстов, репрезентирующих семантику «свойственности» - «чуждости» диалектных лексических единиц (далее – ЛЕ).

Настоящее исследование проводится на основе данных двух групп источников. К первой группе источников относятся, во-первых, рукописные материалы, отражающие особенности речи диалектоносителей, проживающих на территории Томской, Кемеровской, Новосибирской областей; во-вторых, картотеки, ставшие основой словарей, созданных лексикографами Томской диалектологической школы: «Вершининский словарь» [1998-2002], «Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья» [1982-1983], «Полный словарь сибирского говора» [1992-1995], «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» [1964-1967], «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение» [1975]. Архивы диалектных записей и материалы картотек хранятся на кафедре русского языка Томского государственного университета.

Ко второй группе источников принадлежат следующие опубликованные областные словари: «Полный словарь сибирского говора» [1992-1995], «Вершининский словарь» [1998-2002], «Словарь образных слов и выражений народного говора» [1997].

Методы исследования. В качестве основного метода настоящего исследования выступает общелингвистический метод научного описания. Из комплекса приёмов, его реализующих, в работе использованы следующие: приёмы сбора, наблюдения, обработки и интерпретации исследуемого материала; дефиниционный и контекстуальный анализ, приём классификации. При разработке

фрагментов лингвокультурологического поля «свой» - «чужой» основным средством структурирования материала является приём полевого описания.

Научная новизна работы. Впервые в свете лингвокультурологического подхода описаны диалектные ЛЕ с семантикой «свойственности» - «чуждости».

1. Дано теоретическое обоснование лингвокультурологического описания диалектного слова с семантикой «свойственности» - «чуждости».

2. Выработаны принципы отбора и анализа ЛЕ, в значении которых наличествует сема «свойственности» - «чуждости»: установлены критерии, способствующие объективации исследования, определён основной методологический и терминологический инвентарь работы.

3. Выявлены и описаны в лингвокультурологическом аспекте формально-семантические основания для разграничения диалектного лексикона по признакам «свойственности» - «чуждости».

4. Произведена классификация полученного корпуса культурно значимых диалектных слов с семантикой «свойственности» - «чуждости».

В научный оборот введён диалектный лексический фонд говоров Среднего Приобья, не привлекавшийся ранее для исследования данной проблематики.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы состоит в расширении списка лексических средств выражения семантики «свойственности» - «чуждости»; в разработке методики сбора и анализа слов с названным значением, использование которой позволит проводить исследование культурно значимой лексики. Основываясь на материале говоров и являя собой один из возможных вариантов лингвокультурологической интерпретации языковой проблематики, данное диссертационное

сочинение закладывает основы диалектной лингвокультурологии, изучающей своеобразие языковой картины мира носителей народной культуры; способствует утверждению и уточнению статуса, кристаллизации методов и приёмов данной науки.

Исследование семантики «свойственности» - «чуждости», проведённое с позиций лингвокультурологического подхода, способствует дальнейшему разноаспектному её изучению. Полученные в работе выводы являются значимыми для разработки лингвокультурологического описания других языковых категорий.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования представленного в ней материала в других лингвокультурологических исследованиях (в частности, в связи с описанием средств языкового воплощения ряда важнейших категорий культуры: пространства, времени и др.). Кроме того, содержащиеся в данном диссертационном сочинении наблюдения могут быть использованы 1) в лексикографической практике при составлении словарей лингвокультурологического типа; 2) в учебно-педагогической деятельности при чтении вузовского курса по диалектной лексикологии; 3) в разработке и проведении семинаров и спецкурсов, посвящённых актуальным проблемам лингвокультурологии, этнолингвистики, лингвострановедения; 4) при создании методических разработок по курсу «Русский язык как иностранный».

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в виде докладов на Региональных научно-практических конференциях студентов, аспирантов и молодых учёных филологических специальностей (Томск, 1998 – 2004); на Всероссийской конференции «Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии и лексикографии» (Томск, 1998); На XV Международной конференции «Язык и культура» (Томск, 2000); на Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы русистики» (Томск, 2000); на заседании межкафедрального

научного лингвистического семинара при ТГУ (Томск, 2000); на XXXIX Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2001).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и одного приложения.

Содержание работы

Во введении обосновывается тема исследования, её актуальность, формулируются цели и задачи, определяется методологическая основа работы, указываются источники и основные характеристики материала, теоретическое и практическое значение полученных результатов, новизна, излагаются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретические основания исследования» рассматриваются вопросы, связанные с определением формально-семантических особенностей слов, в значении которых присутствует культурный компонент «свойственности» - «чуждости». Глава включает три раздела.

В разделе 1.1 излагается историография вопроса. Возникновение интереса к описанию семантики «свойственности» - «чуждости» связано с появлением работ, в центре внимания которых – проблема выявления культурно значимых оппозиций по данным языка. Весь корпус лингвистической литературы, посвящённый интересующей нас проблематике, можно условно разделить на две группы. К первой, наиболее многочисленной, относятся работы, в которых семантика «свойственности» - «чуждости» рассматривается сквозь призму лингвокультурологической (этнолингвистической) проблематики (В.Н. Топоров, В.В. Иванов, Т.В. Цивьян, Н.И. Толстой, Н.А. Санцевич, Ю.С. Степанов, О.В. Белова и др.). Авторов, объединённых данным направлением научного поиска, интересуют вопросы концептуального взаимовлияния «своего» и «чужого», характера и способов их

взаимодействия, связь исследуемых понятий с их иными бинарными корреляциями. Через анализ языкового материала учёные выявляют степень и специфику культурной значимости данных понятий для мировидения одного или нескольких близкородственных этносов, для человечества в целом. Другое направление в описании семантики «свойственности» - «чуждости» и средств её языкового выражения связано с трактовкой её категориальной природы с позиций традиционной лингвистики (Е.П. Захарова, Г.В. Калиткина, А.Б. Пеньковский, Р.Н. Порядина, З.И. Резанова, и др.). В рамках данного подхода «свойственность» - «чуждость» интерпретируется как языковая семантическая категория, являющаяся вариантом универсальной категории сознания. Проведенный этими учёными анализ языкового материала показал, что её экспликация осуществляется средствами разных языковых уровней.

Настоящее исследование представляет собой лингвокультурологическую интерпретацию названной семантики.

В разделе 1.2. «Лингвокультурологический подход к анализу языковых фактов» рассматриваются теоретические аспекты исследования культурно значимых ЛЕ.

В подразделе 1.2.1. «Коды традиционной культуры: диалектный лексикон» даётся определение научного направления, в рамках которого осуществляется настоящее исследование, приводится характеристика основных понятий, используемых в работе (народная культура, диалектное слово). Утверждая, что культура, равно как и язык, - это формы сознания, отображающие мировоззрение человека, лингвокультурология акцентирует внимание на их этнической составляющей. Языковая картина мира рассматривается как национальное воплощение образа мира, как проявление специфики лежащих в основе мировидения народа когнитивных схем (стереотипов, концептов, представлений). В то же время учитывается способность

языка репрезентировать «доминирующие в той или иной культурной среде и в то или иное социальное время факты группового или корпоративного, а не только общенародного самосознания»¹. Наглядным подтверждением этого положения служит народно-речевая культура. Диалекты, являясь одной из страт национального языка и частью общерусской культуры, в то же время принадлежат пространству традиционной народной культуры, отражающему крестьянское видение и понимание мира. Необходимое и вместе с тем органичное обращение народной культуры к прошлому способствует сохранению и ретрансляции в её элементах (обрядов, ритуалах, верованиях...) древнейших представлений о мире, актуальных для сознания современного жителя деревни. Говор, являясь ключевым звеном данной коммуникационной цепи, способен в полной мере кумулировать и экстраполировать в вербальном коде выработанную сотнями поколений членов крестьянской общины картину мира.

Специфика отражения реальной жизни диалектным лексическим фондом определяется особым взглядом на мир селян, совокупностью тем, идей, понятий, составляющих мировоззренческое своеобразие народно-речевой культуры. В связи с этим, диалектное слово рассматривается нами не только как часть лексикона, но и как знак традиционной культуры, как единица мировоззренческой системы носителей говора.

В подразделе 1.2.2. «Культурная коннотация как экспонент культуры в языковом знаке» рассматриваются представленные в отечественной лингвистике взгляды на природу и статус культурной коннотации в структуре лексического значения, указываются принципы описания этой составляющей семантического содержания слова.

¹ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – С. 235.

Декодирование заключённой в слове культурологически ценной информации является одной из первостепенных задач лингвокультурологии. К изучению этой составляющей языковой семантики (этнокультурного, национально-культурного, социокультурного, культурного компонента) обращаются многие учёные (Ю.А. Бельчиков, А.Д. Васильев, У. Гохуа, Н.Г. Комлев, Н.А. Купина, М.В. Кутьева, Л.Т. Микулина, В.Н. Телия, Л.Н. Чумак, Е.С. Яковлева и др.). В лингвокультурологической литературе постулируется наличие культурного компонента значения у любой номинативной ЛЕ. Необходимость его полноценного описания рождает дискуссию о локализации культурной информации в значении слова. Диапазон мнений по этому вопросу достаточно широк. Мы исходим из представления о том, что культураносные сведения могут «отяжелеть» как денотативный, так и коннотативный макрокомпоненты значения. В связи с этим необходимо обращение к понятию культурной коннотации.

В настоящее время учёными не выработано единой позиции в отношении коннотативного компонента значения. В данной работе поддержан взгляд на содержание, своеобразие и способы языковой репрезентации коннотативных смыслов, представленный в работах В.Н. Телия. Исследуя коннотацию в рамках когнитивной парадигмы, этот учёный рассматривает её как часть прагматически ориентированного блока значения слова, дополняющую его денотативное и грамматическое содержание. Культурная коннотация представляет собой аспект значения слова, непосредственно связанный с местом его денотата в определённой культурной парадигме и осознанием этой «ниши» носителем языка. Её специфика заключается в осуществлении связи двух сложных семиотических систем – языка и культуры. Возникновение культурно значимых смыслов обусловлено ассоциативной природой коннотации. При восприятии того или иного слова человек интерпретирует всплывающий в сознании образ

(денотативное или квазиденотативное содержание) в знаковом культурно-национальном «пространстве» того языкового коллектива, к которому он себя причисляет. Таким образом, одна и та же ЛЕ в контексте разных культурных кодов приобретает содержательно различную коннотацию.

Раздел 1.3. «Семантика «свойственности» - «чуждости» как объект лингвокультурологического исследования» посвящён изложению основных постулатов работы, описанию методики исследования, рассмотрению вопросов, связанных с описанием механизма образования семантики «свойственности» - «чуждости» и её местом в структуре лексического значения. Далее производится классификация средств её формального выражения.

В подразделе 1.3.1. «Методика исследования» формулируются принципы исследования, состоящие в следующем: Во-первых, все лексические единицы, репрезентирующие семантику «свойственности» - «чуждости» являются культурно значимыми, так как само описываемое значение представляет собой кумуляцию культурного опыта говорящего коллектива. Во-вторых, поскольку категоризация действительности в разных лингвокультурных общностях осуществляется неодинаково, выявление и описание диалектных слов с семантикой «свойственности» - «чуждости» позволяет зафиксировать своеобразие отражения мира говором и сделать выводы об актуальности тех или иных культурных явлений для этой части русского языкового сообщества. В-третьих, в рассматриваемом материале собственно крестьянское и общенациональное представлены синкретично (поскольку задач сравнительно-сопоставительного плана не ставится). О культуроспецифичном характере наполнения семантики описываемых единиц говорит факт отражения в языке взглядов и представлений носителей определённой культуры. В данном случае – это

ретрансляция мировоззренческого и культурного опыта сибирских крестьян.

Методика исследования включает в себя характеристику приёмов сбора и обработки материала и приёмов его анализа. Основное содержание исследования составляет лингвокультурологический комментарий к высказываниям, в которых репрезентирована культурная семантика анализируемых ЛЕ. Данный вид научного описания предполагает рассмотрение вопроса о содержании культурной коннотации и условиях её актуализации в контексте. Поскольку на толкование данного компонента значения оказывает влияние культурно-языковая компетенция самого исследователя и информантов - диалектоносителей, необходимо выработать критерии объективации лингвокультурологического комментария. Избежать тенденциозности в интерпретации материала позволяет соблюдение следующих условий: включение в рассмотрение большого объёма языкового материала; введение определённых ограничений (в данном случае – хронологических рамок); адекватный целям и специфике материала выбор приёмов исследования. Методика настоящего исследования включает в себя два этапа. Первый этап – предварительный, имеет своей целью обнаружение максимального числа диалектных слов с семантикой «свойственности» - «чуждости» в лексическом фонде говоров Среднего Приобья. Второй этап связан с систематизацией выявленных ЛЕ путём построения различных классификаций. Полученное множество может быть упорядочено по разным основаниям.

Ключевой классификацией в работе признаётся распределение слов с семантикой «свойственности» - «чуждости» на группы в зависимости от критерия, выделяемого диалектоносителем как основание для противопоставления.

В подразделе 1.3.2. рассматривается механизм образования исследуемой семантики. Формирование значения «свойственности» - «чуждости» связано с принципом разграничения объектов по признаку «свой» - «чужой». Определяющим условием присвоения кого-либо является объединение с ним на основании имеющейся или предполагаемой общности. Включение объекта в Свой мир (термин Э. Гуссерля) означает его отнесение к категории «вместе». Напротив, актуализация семантики «чуждости» связана с отсутствием у говорящего и объекта речи необходимого единства, следовательно, с принадлежностью последнего к категории «не вместе». Например, в высказывании *Это **наш** парень, **деревенский*** отражено причисление диалектоносителем объекта речи к Своему миру на основании общности места проживания (рождения). Слово *деревенский* апеллирует к понятию «вместе» и несёт семантику «свойственности». Показателем репрезентации названного значения является наличие притяжательного местоимения *наш*.

В подразделе 1.3.3. «Сема «свойственности» - «чуждости» как компонент лексического значения» рассматривается ряд вопросов, связанных с существованием различных точек зрения на природу лексического значения, описанием семантического своеобразия «свойственности» - «чуждости» (определением её места и статуса в структуре значения), выявлением её взаимодействия с другими коннотативными семами.

Изучение семантической природы «свойственности» - «чуждости» предполагает определение места соответствующих сем в значении слова. Анализ эмпирических данных показал, что сведения о «свойственности» - «чуждости» могут носить как дескриптивный, так и прагматический характер. Выбранный для идентификации и номинации объект реального или воображаемого мира квалифицируется как «свой» или «чужой» по ряду присущих ему признаков. Таким образом,

денотативная природа исследуемой семантики коренится в объективных свойствах самих реалий. В зависимости от статуса денотативной семы «свойственности» - «чуждости» весь корпус диалектных ЛЕ можно разбить на две группы: 1. Слова, в которых релевантность представлений о «своём» - «чужом» характере объекта всему языковому сообществу отражается в сигнификативной части лексического значения. В данном случае денотативная сема «свойственности» - «чуждости», имея статус ядерного компонента, входит в толкование лексемы. К ЛЕ, в системном значении которых присутствует интересующая нас семантическая информация, могут быть причислены, например, *враг, иностранец, кровный, посторонний, приезжий, родной, свой, чужой* и др. 2. Слова, в которых сема «свойственности» - «чуждости» не относится к всегда совпадающей части семантических компетенций говорящего коллектива, а потому принадлежит к периферийной области значения. Роль «второстепенного» компонента исследуемая семантика играет, например, в ЛЕ *дачник, свекровь, сирота, сураз* и др.

Сведения о «свойственности» - «чуждости» объекта номинации, носящие дескриптивный характер, имеют безусловное культурное значение. Однако культуроспецифичность заложенных в слове представлений концентрируется в семантической информации прагматического рода. Способность семы «свойственности» - «чуждости» быть отражением конститутивных свойств объекта и их субъективного восприятия носителем языка поднимает вопрос о характере её взаимодействия с денотативным и коннотативным макрокомпонентами. По нашему мнению, части значения тесно взаимосвязаны: компоненты коннотации входят в семный состав лексической единицы и, налагаясь на семы денотативного характера, образуют коннотативное значение. Культурная коннотация возникает в результате ассоциирования с типовым образом объекта тех или иных

субъективных характеристик, пропущенных сквозь призму стереотипов, эталонов, образцов, символов той культуры, носителем которой является говорящий. Рождение культурной коннотации диалектного слова с семантикой «свойственности» - «чуждости» связано с интерпретацией его денотативного компонента с позиций народной культуры.

Способность семы «свойственности» - «чуждости» вносить в значение слова информацию прагматического характера делает необходимым рассмотрение вопроса об её взаимодействии с другими компонентами коннотативного содержания слова. В результате анализа материала было установлено, что коннотативные семы часто сопутствуют актуализации культурной коннотации «свойственности» - «чуждости», однако их совпадение не обязательно: присутствие того или иного компонента не влечет за собой обязательного наличия всех остальных, и они могут встречаться в разных комбинациях. Например, ЛЕ *подруженька* наряду с семантикой «свойственности» несёт положительную эмотивную коннотацию: *Я говорю: «Кода я к своей родной подруженьке... хоть бы её ещё раз увидеть, Ньюру-то. А Валя: «Пхе! **Подруженька!** А чё она тебе?»* (Верш.). Кроме того, в лексическом значении возможно одновременное присутствие культурного смысла «свойственности» - «чуждости» и нескольких коннотативных сем. Например, в семантической структуре лексики *вражина* присутствует информация об экспрессивном, негативном эмоционально-оценочном отчуждении данного класса референтов. Таким образом, по нашему мнению, сема «свойственности» - «чуждости» не имеет твёрдой локальной приуроченности: в лексическом значении диалектного слова она присутствует как компонент денотативного содержания, либо пронизывает денотативный и коннотативный макрокомпоненты одновременно.

В подразделах 1.3.4. и 1.3.5. рассматриваются некоторые актуальные для среднеобских говоров способы репрезентации

исследуемого значения. При составлении реестра формальных средств выражения семантики «свойственности» - «чуждости» опираемся на работы М.А. Кронгауза, Г.В. Калиткиной, Р.Н. Порядиной, А.Б. Пеньковского. Этот перечень условно может быть разбит на две группы: внутрисловные и контекстные средства экспликации «свойственности» - «чуждости». Названная сема может быть внесена в значение слова с помощью аффиксов. Как показывает проанализированный материал, для диалектоносителя ЛЕ с префиксами *от-*, *вы-*, *раз-*, *рас-* *вы-*, манифестирующими идею нарушения контакта, удаления, служат средством выражения «отчуждения»: *У нас в 47-ом году, вот семь километров отсюда была деревня. Ларина. А потом её как-то дурак нашёлся расформировал. Люди разлетелись кто куда* (Верш.). В качестве знака «отчуждения» носители народно-речевой культуры используют некоторые полипрефиксальные интенсивные глаголы. В речи диалектоносителя такие глагольные приставки, как *пона-*, *попри-*, *порас-* + *ся*, *пораз-* (+ *ся*) в сочетании с глаголами, типа *ехать* / *приехать*, *сидеть* и т.д. помимо своих основных значений («интенсивность», «постепенно, в несколько приёмов совершаемое действие» и др.), могут вносить в семантику слова коннотативный смысл «чуждости» / «отчуждения» соответствующего действия: *Раньше много было рыбы. Раньше жили три улицы: Ленина, Калинина, Советская. А потом понаприехали. И сейчас ведь не знаешь где чё* (Колп.). К средствам формального выражения семантики «свойственности» - «чуждости» диалектного слова относятся суффиксы, основным значением которых является уменьшительно-ласкательная, уничижительная, пренебрежительная семантика (*-ик*, *-чик*, *-к-*, *-ек-*, *-ок*, *-очек/-ечек*, *-ишк-* и т.д.). В качестве показателя «свойственности» - «чуждости» выступают и некоторые лексические средства семантической поддержки слова, репрезентирующего названное значение.

Во второй главе «Фрагменты лингвокультурологического поля «свой» - «чужой»» описан ряд субполей, объединённых наличием в семантике составляющих их единиц культурного компонента «свойственности» - «чуждости».

В разделе 2.1. «Лингвокультурологическое поля «свой» - «чужой»: вводные замечания» перечисляются основные признаки анализируемого поля. Вслед за В.В. Воробьёвым, под термином «лингвокультурологическое поле» нами понимается иерархически выстроенная структура множества ЛЕ, обладающих общим (инвариантным) смыслом, характеризующих определённую культурную сферу. В законченном виде лингвокультурологическое поле являет собой «картину мира» того народа, языковые единицы которого легли в основу его построения. Как для любого другого поля, для поля «свой» - «чужой» характерно существование системных отношений между входящими в его состав единицами. Слова, относящиеся к анализируемому полю, вступают в парадигматические (антонимические, синонимические и др.) и синтагматические отношения. Ему свойственно также выстраивание в направлении «центр» → «периферия», классифицирование его единиц по различным основаниям, обнаружение связи с другими видами полей. Поле «свойственности» - «чуждости» представляет собой сложное, многомерное полиструктурное образование, как в плане выражения, так и в плане содержания. В соответствии с диацентрической структурой исследуемого поля, анализируемый лексический фонд разбивается нами на три группы:

I. Свой 1) центр 2) периферия; II. Чужой 1) центр 2) периферия;
III. Процесс / факт перехода 1) присвоение 2) отчуждение.

Выделение последней группы обусловлено диффузным, «пограничным» характером выражаемого такого рода словами значения.

Все ЛЕ, попадающие в лингвокультурологическое поле «свой» - «чужой», объединяются общностью компонентов смыслового содержания. Критерием отнесения слова к «центру» или «периферии» является наличие / отсутствие искомой семантики в его словарном толковании. К центру поля относятся ЛЕ, в которых сема «свойственности» - «чуждости» представлена в основном значении (*родной, враг, мачеха, приезжий*) и определяется как доминирующая. Периферия поля заполнена ЛЕ, в значении которых исследуемая семантика относится к коннотативному содержанию. Чтобы такое слово обнаружило присутствие в своём значении сему «свойственности» - «чуждости», в высказывании ему нужна «поддержка». В соответствии с данной структурой, в тексте каждое подвергнутое культурологическому анализу слово сопровождается определённым индексом, кодирующим информацию о месте этой единицы в системе других ЛЕ, репрезентирующих семантику «свойственности» - «чуждости». Например, рядом со словом *сирота* стоят цифры П.2., означающие, что оно реализует значение «чуждости» и относится к периферии соответствующего поля.

В разделе 2.2. «Свой» - «чужой»: отношения родства» представлено описание лингвокультурологического субполя «родня». Анализ диалектного материала показал, что родственные отношения, пропущенные сквозь призму оппозиции «свой» - «чужой», обнаруживают чёткую дифференциацию окружающих по этому признаку. В зависимости от степени абстракции исследуемого противопоставления можно выделить несколько уровней его реализации: в кругу и за пределами рода, в семье. Для диалектоносителей актуально разделение на «родню» - «не родню», «родных» - «неродных», «кровных» - «некровных» родственников и т.д. Лексическим наполнением данных оппозиций служат слова *порода, природа, сродный, однофамилец, крёстный* и др. Анализ контекстных

реализаций данных ЛЕ выявил наличие в их значении семантики «свойственности» - «чуждости». Рассмотрение диалектных слов, обозначающих процессы, протекающие внутри семьи, также говорит об их способности нести семантику «присвоения» (*принимать (мужа), сойтись...*), и семантику «отчуждения» (*изменять, разводиться, бросать...*). Культурный компонент значения слов *свекровь, мачеха* содержит стереотипное представление о свекрови, мачехе, как о «чужих», «плохих». В данном случае значение «чуждости» раскрывается в противопоставлении «невестке», «(родной) матери». Анализ материала показал, что степень «свойственности» (близости) определяется по двум критериям: близость кровная (степень «чуждости» по нарастающей: по крови → по браку) и близость душевная/ духовная (*родниться* [I., III. 1.], *покумиться* [III. 1.]). Процессы «присвоения» и «отчуждения» «своего» могут быть связаны с пространственным (географическим), социальным, психологическим сближением /отдалением. Для терминов родства данное обстоятельство является значимым. Так экспликация в словосочетании *не родниться* семантики «отчуждения» связана, прежде всего, с нежеланием быть «своими» друг другу (психологическая установка на отторжение), а лексическая единица *принять* означает желание сделать человека «своим», разделив с ним свою жизнь.

В разделе 2.3. «Свой» - «чужой»: место жительства» рассматриваются диалектные слова с семантикой «свойственности» - «чуждости», означающие принадлежность человека к определённой местности.

Подраздел 2.3.1. посвящён лингвокультурологическому анализу диалектных слов, репрезентирующих коррелирующее с оппозицией «свой» - «чужой» противопоставление «коренной» - «приезжий». Последнее отражает древнейшие представления диалектоносителя о необходимости иметь *своё место* и может быть интерпретировано как

«освоивший данную территорию» - «не освоивший её». В силу своей абстрактности, оно способно означать дифференциацию как внутри одного социума, так и за его пределами, пронизывая такие оппозиции, как *деревенский – городской, сибирский - российский*. В настоящей работе рассматривается проявление данного противопоставления в рамках одного (деревенского) социума. В результате было выявлено, что реализация в высказывании диалектоносителя заявленной оппозиции эксплицирует значение «свойственности» в словах *коренной, давношний, старожил, здешний, местный* (и их дериватах), семантику «чуждости» в ЛЕ *приезжий, переселенец, новики, поселгя, ссыльный, дачник, калымщик* и т.д.: *Щас нашего коренного народу здесь мало. Вот и щас, другой раз спать лягу, и все, все дома вот перешыятаю, все переверну, кто где был, кто умер, кто куда делся. Все чужи, чужи теперь* (Верш.); *Так я здесь и живу. Мои родители тоже здешни. Здесь, конечно, не все наши, коренные-то. Понаехало много, особенно после войны народ сюда хлынули. Есть и приезжи, есть и ссыльны, которы вредили очень* (Параб.). В каждом из этих слов отражена степень освоения пространства проживания, характер взаимоотношений с ним и населяющими его людьми. Так, являясь средоточием культурно значимого смысла «свой», слово *коренной* несёт идею полноценного обладания человеком того пространства, которое было освоено и обжито им и его предками. В свою очередь, в словах, репрезентирующих понятие *приезжий*, кумулировано представление об отрыве объекта номинации от своих истоков и его чуждости тому месту, которое он присваивает. Фиксация этих значений в словарях обусловила отнесение вышеназванных ЛЕ к «центру» исследуемого поля.

В подразделах 2.3.2. и 2.3.3. описан культурный компонент значения ЛЕ, отражающих разделение на «своих» и «чужих» по принципу территориальной / культурной «близости» – «далёкости». В результате анализа материала было выявлено, что противопоставление

«свой» – житель нашего села, «чужой» – житель другого села (выражаемое с помощью притяжательных местоимений и производных от топонима) для носителя народной культуры не является актуальным, поскольку оба члена противопоставления имеют единую область территориально-культурного бытования (пространство деревни с его опорой на традицию и патриархальный уклад жизни) и единые мировоззренческие установки, свойственные народному сознанию. Напротив, ЛЕ, выражающие оппозицию «деревенский» – «городской», обнаруживают существование в сознании диалектоносителя устойчивого противопоставления жителей *города* и *деревни* как пространственно, социально и культурно «чуждых» друг другу людей. Рассматривая представителя *города* сквозь призму шкалы соответствий своей системе ценностей, и эксплицируя различия в освоении явлений внешнего мира, носитель народной культуры выстраивает отрицательный образ «чужого». Осознание «инаковости», «чуждости» Своему миру человека городской культуры распространяется на описание его внешних «примет» (одежда, причёска, язык, материальное положение, степень грамотности), морально-этических характеристик: *Я и сам вижу по одежде, что не деревенска* (Верш.); *Городски таки жулики* (Верш.); *Не люблю вочереди. Городски нахальны. Прибежит какая, встанет: «Я была, я была»* (Верш.). Идентифицируя себя как «природного жителя», т.е. человека, являющегося частью, естественным продолжением окружающего его мира, *городского* диалектоноситель воспринимает как существо, «оторванное от природы». Основанием для этого служит отсутствие у *горожан* знаний о Своем мире, меньшая аксиологическая значимость понятия *своё хозяйство*.

В подразделе 2.3.4. анализируются ЛЕ, актуализирующие оппозицию «(коренной) житель Сибири» - «(переселенец) из России». Произошедшая много лет назад смена территории проживания, когда

часть русских, оставив обжитое пространство России, начала освоение «чужих» земель, закрепились в народном сознании сибиряков. В результате образовалась локальная пространственная граница внутри одной культуры, одного этноса, и, как следствие этого, отчуждение России и «российских». В круг «своего» входит Сибирь и сибиряки (в том числе коренные народы), а «чужими» являются жители Европейской части страны и недавно приехавшие оттуда. Противопоставление реализуется в социально-экологическом аспекте («освоивший данную территорию» - «не освоивший»), т.е. является ещё одним возможным вариантом оппозиции «коренной» - «приезжий»: *Если я родилась в Сибири, я – рождёнка, сибирячка* (Верш.); *Я коренной сибиряк. Прадед сослан был сюда. Ему здесь понравилось... Вот и обжились они тут* (Параб.); *Сибиряков уж мало осталось, все приезжие* (Яшк.); *Они щас наехали россейски туда. А в каком году они суда приехали – не скажу* (Яшк.). Противопоставление «своего» «чужому» происходит по тем же параметрам, по которым оценивается «инородец» (язык, одежда, образ жизни), поэтому можно говорить о том, что в речи диалектоносителя слово *сибиряк* (и его синонимы) маркирует особую национальную принадлежность представителей этого региона.

В разделе 2.4. «Свой» - «чужой»: этническая принадлежность» осмыслению подвергается этнический аспект исследуемого противопоставления. Народное представление о себе и инородцах воплощается в универсальной оппозиции «своё» - «чужое». Значимость национальной принадлежности в деле самоопределения этноса способствует реализации оппозиции на языковом уровне. Невозможность фиксирования с исчерпывающей полнотой в толковых словарях всего объема культурной информации, стоящей за тем или иным словом, не означает, что эти сведения не воспроизводятся с достаточной регулярностью. Так, например, в толковании большинства этнонимов не отражаются этнокультурные представления о человеке

данной национальности. Между тем, опыт межэтнического общения не проходит бесследно. Знания о быте, поведении, характере представителей иной этнокультурной общности обобщаются и типизируются. Эти устойчивые представления («этнические стереотипы», «этнические образы») о других и самих себе объективируются в большей части высказываний, содержащих этнонимы. Шлейф представлений о себе и «чужом» тянется за этнонимом, разворачивая в процессе экспликации весь тот культурный фон, который стоит за ним. Однако не только этноним может эксплицировать значение этнической «свойственности» - «чуждости» объекта. Средством экспликации первого члена противопоставления может быть субстантивированное местоимение *наш* (ср. «наш человек», «наш брат»), за которым уже словарно закрепилось значение «отечественный, русский».² Коррелятом второго члена оппозиции выступают слова *нерусский* (Ш. 1.), *нерусь* (Ш. 1.), *нехристь* (Ш. 1.) и т.д. В этих словах выражена крайняя степень отчуждающего абстрагирования. Их использование говорит о том, что в данный момент представители Чужого (этнически) мира воспринимаются носителем народного сознания недифференцировано: *Да, сейчас вся нерусь съехала. Оно ж такая мода. Вон брюки пошли, тут наклонился – тут порвалось. Оно ж всё нерусь делат. Русски – по-русски, а это уж по-своему, а потом и русски туда же* (В-Кет.); *К чему привык человек... Вот мы сегодня в телевизире смотрели, смотри, **кака-то там нация**, вот видишь, **они** в снегу живут... Да, в снегу прямо живут, на собаках ездют. Ну да, **нерусски же эти каки-то там, нерусские они**. И вот сырой рыбой питаются* (В-Кет.). Как показывает проанализированный материал, в зону внимания диалектоносителей попадают лишь те этносы, с которыми, так или иначе, осуществлялся контакт (торговые связи, вероисповедание, территориальное соседство, военные

² Толковый словарь русского языка к. XX века. Языковые изменения. – СПб., 2000. – С. 417.

конфликты и т.д.). Пространственно и культурно удалённые народы, с которыми нет опыта общения, не являются объектом осмысления и предметом речи. Значимое для носителя традиционной народной культуры, живущего в Сибири, противопоставление себя представителям коренных народов вербализуется, помимо существующих этнонимов, в специальных наименованиях: «чужие» - *нацмены, туземцы, нехристь, чудь, елдаш, ясашные*.

Как известно, в результате осуществляемых контактов, в отношении «чужих» формируются этнические стереотипы, во многом определяющие характер межнациональных отношений. Средством их актуализации в речи диалектоносителя являются этнонимы: концентрируясь в коннотативной области значения ЛЕ, они «разворачиваются» в момент произнесения наименования народа, о котором идёт речь. Анализ материала показал, что для крестьянина одним из наиболее стереотипизированных является восприятие представителей цыганской национальности.

В заключении подводятся основные итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения описанной проблематики. Осуществлённый подход к осмыслению наполнения лексического значения диалектного слова культурной информацией соответствует актуальным задачам лингвистики. Проведённое исследование показало, что семантика «свойственности» - «чуждости» может быть репрезентирована огромным корпусом ЛЕ. Лежащая в её основе семиотическая оппозиция «свой» - «чужой», проявляясь в диалектном лексическом фонде, респондирует культурно значимые идеи и представления русского крестьянства. Дальнейшее выявление форм выражения семантики «свойственности» - «чуждости» позволит не только заполнить пробелы на карте соответствующей категории, но и сделать ещё один шаг на пути постижения менталитета народа.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Серебренникова А.Н. Деление на «своих» и «чужих» по этнической принадлежности (лингвокультурологический аспект) // Филологические исследования: Сб. ст. – Томск: Изд-во ТГУ, 2000.- С. 149-151.
2. Серебренникова А.Н. Категория «свойственности» - «чуждости» (лингвокультурологический аспект) // Материалы XXXIX Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. – Новосибирск: НГУ, 2001.- С. 53-54.
3. Серебренникова А.Н. Понятийная категория «свой» - «чужой» и её речевое воплощение в народной языковой картине мира // Проблемы русистики: Материалы Всерос. науч. конф.- Томск: Изд-во ТГУ, 2001.- С. 162-165.
4. Серебренникова А.Н. Речевое воплощение понятия «своё» - «чужое»: Социально-экологический аспект // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: Межвуз. сб. ст. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998.- С. 96-99.

Термины родства являются необычайно востребованным полем исследования. Однако их культурологическое содержание в контексте противопоставления на «своих» и «чужих» до настоящего времени не рассматривалось, что делает данное исследование актуальным.

Так, одной из классификаций может быть разбиение всего описываемого корпуса диалектных слов на группы, в зависимости от их способности выражать семантику «свойственности» - «чуждости». Исходя из этого основания, можно выделить I) слова, обслуживающие категорию «свойственности»; II) слова, обслуживающие категорию «чуждости». В составе обеих групп содержится по четыре подгруппы.

1. ЛЕ, которые всегда выражают либо значение «свойственности», либо - «чуждости». В них интересующая нас сема имеет денотативный статус и является ядерной, поэтому переход из одной группы в другую

невозможен. К данной подгруппе принадлежат ЛЕ самой разной частеречной отнесённости: местоимения (I. *наш, мой, мы, свой...* II. *ваш, их, они...*), существительные (I. *родня, друг...* II. *мачеха, приезжий, иностранец, гость...*), глаголы (I. *родниться...* II. *враждовать...*), прилагательные (I. *родной, кровный...* II. *чужой, посторонний, заграничный...*), наречия (I. *по-нашему, по-своему, по-дружески, по-родственному...* II. *по-вашему, по-ихнему...*). 2. ЛЕ, которые, обслуживая обе категории, наполняются той или иной семантикой в зависимости от точки зрения говорящего и аспекта рассмотрения. Например: *Верхнебылино я родилась. Сибиряки были из природы Пикулина, старожилы. Люборцова осердится, так чалдоном назовёт. Росейски проживали* (Колп.). В данном высказывании слово *росейски* указывает на принадлежность к Чужому для говорящего миру и, следовательно, несёт семантику «чуждости». В другом случае, например: *Я не чалдонка, я росейска* (Верш.) оно обретает прямо противоположное значение. Таким образом, исследуемая ЛЕ в разных контекстах реализует неодинаковое семантическое наполнение. К этой подгруппе можно отнести, в частности, слова *городской – деревенский, молодой – старый, грамотный – неграмотный* и др. 3. ЛЕ, обозначающие процесс перехода из одной категории в другую. Сюда включены глаголы и их дериваты: I. *обрусеть, сочувствовать, принимать (приёмыш)...* II. *бросать (брошенка), разводиться (разводной)* и др. 4. Слова, являющиеся сигналом того, что далее речь будет идти о «своём» или «чужом» для говорящего предмете, явлении действительности. Это могут быть ЛЕ с эмоционально-оценочным, экспрессивным значением, а также некоторые местоимения (II. *всякий, разный, какой-то...*). Например, слово *сирота* не несёт в своём основном значении исследуемой семантики. Однако сам факт существования данного наименования выделяет такого ребёнка из общей массы других детей, позволяя нам делать выводы о том, что в

значении этого слова нашло выражение представление носителей народной культуры о ненормальности подобного рода ситуаций. Всё, что «ненормально», «не вместе» – отчуждается.